

18+

Александр Бизяк

Клубника под хреном

рассказы

Александр Григорьевич Бизяк

Клубника под хреном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42015050

SelfPub; 2019

Аннотация

Эта книга, написанная с блестящим чувством юмора, как о самом авторе и его современниках, так и об исторических персонажах. Автора увлекает тема – плотская любовь и необузданная страсть. Эпизоды подобных отношений схвачены точно и выразительно, хотя иногда и не соответствуют истинным фактам. Парадоксальность разговоров и абсурдность деталей вызывает улыбку. Фото: Борис Аарон

Содержание

Нисим Бессмертный	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Нисим Бессмертный

«Меня утешает лишь одно: то, о чем я написал, дурак читать не будет, а умный и подавно.

И ты не смей читать».

Из неотправленного письма П.Я. Чаадаева брату Михаилу (Спецархив города Сараевска)

К.А.К.А.

Сколько лет Нисиму, в Горемычном толком никто сказать не может. Впрочем, как и сам Нисим. Потому как он не помнит...

Аккурат на праздник Песах в местечко Горемычное (в 23-м переименовано в Счастливку) черный «Ситроен» доставил Председателя ГубЧК товарища Жухарова и остановился возле синагоги. Жухаров вылез из машины и по крыльцу взбежал в молельный дом.

За всю историю местечка чекист стал первым гоем, своим приходом осквернившим синагогу.

Войдя в молельный дом, Жухаров сдвинул в сторону раввина, руководившего богослужением, и по-хозяйски занял его место.

– Товарищи евреи! Решением уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов отныне ваша синагога будет называться «Красным Антирелигиозным Клубом Атеистов». Со-кращенно – «КАКА». Вопросы будут?

Вопросов не было.

– Тогда, кто «за», поднять всем руки! – приказал Жухаров.

Прихожане посмотрели на раввина. Тот за кончики подергал пейсы, снял кипу, вытер лысину платком и робко поднял руку. Прошептал на идише: «Всевышний, прости нас грешных» ...

Прихожане проголосовали. Все, кроме одного.

Жухаров вздернул брови.

– Ваше имя, гражданин?

– Нисим.

– А ну-ка встать, когда перед тобой стоит начальник ВЧК! – закричал чекист.

Непроголосовавший иудей продолжал сидеть.

– Он не может, – объяснил раввин. – Он увечный. У него сломана нога и руки перебиты.

– Чем?

– Косой.

– На сенокосе? Какой в апреле сенокос?!

– Я вам позже объясню, товарищ гражданин начальник...

– Хорошо, потом доложишь. А сейчас приступим к лекции.

– Этот гой будет нас учить!... – проворчали прихожане.

– Итак, для начала задаю вопрос: кому принадлежат слова «Религия для народа – опиум»? И для евреев тоже, – добавил от себя чекист. Выждав паузу, ответил: – Ленину! Ребе, –

обратился он к раввину: вы согласны с Лениным?

– Конечно, я согласен! – Подтвердил раввин и произнес на идише молитву, якобы, обращенную к вождю. (К счастью для раввина Жухаров идиша не знал). «Прости, Отец наш, ибо мы грешны перед тобой. Помилуй нас, Владыка наш, ибо преступны мы. Ведь Ты – добрый Бог. Благословен Ты, Господь милосердный и всепрощающий».

Прихожане вторили раввину.

– Верно! – заявил чекист, сделав вид, что понимает идиш. – Кстати, знаете ли вы, что все свои статьи на эту тему товарищ Ленин написал исключительно на идише?

– Знаем, товарищ гражданин начальник. Мы их по шабатам в синагоге обсуждаем.

– Ну, то-то же! – похвалил Жухаров.

Но тут лекция неожиданно прервалась. К синагоге на взмыленном коне подлетел красноармеец в пыльном шлеме, соскочил с седла и ворвался в синагогу.

– Товарищ председатель ГубЧКа! Велено сказать, что в вашем кабинете вас дожидается Феликс Эдмундович Дзержинский.

– Дзержинский?!

– Так точно! Он.

– А ты не перепутал часом?

– Никак нет! Вот вам крест, не перепутал. Невысокого роста, пышные усы, как у товарища Буденного, в очках и с тросточкой. Хромает. Вылитый Дзержинский. Я как раз в

сортир бежал по коридору, ну и напоролся на него. «Куда торопишься, солдат?». Я растерялся: как сказать Дзержинскому, что бегу в сортир? Говорю, что направляюсь в Красный уголок на политчас. Занятие ведёт Жухаров? – спросил Дзержинский. Никак нет, отвечаю. Он в синагоге на молитве. Евреев агитирует за коммунизм.

– А по какому делу он приехал, Дзержинский не сказал? – Спросил Жухаров.

– Он мне не докладался.

– Опять, небось, с инспекцией ... – Чекист с досады сплюнул на пол синагоги.

– Товарищи красные евреи! Лекцию придется закруглить. В городе меня Дзержинский дожидается... Вот только как до города добраться? – Жухаров почесал затылок. – У меня в машине колесо спустило.

– А вы возьмите моего коня! – Предложил красноармеец.

– А как же ты?

– Пёхом пошагаю. Вчера товарища Орлова за доблестную службу сапогами наградили. А они не лезут на него. А завтра ему нужно ехать в Харьков на съезд отличников чекистов. Вот он и приказал мне сапоги его до завтрава разношивать.

– Только гляди, не перестарайся. Ты вот что, – Жухаров почесал затылок. – В город ты нескоро возвратишься, пёхом сорок верст – не шутка. Как только в город доберешься, ко мне зайди. Я тебе за это время успею Грамоту оформить.

– Служу трудовому народу! – Прогорланил вестовой.

– Каков орел! – Жухаров вскочил в седло.

На крыльцо вышел раввин. Протянул чекисту сверток.

– Товарищ гражданин начальник, в честь праздника могу я попросить вас передать товарищу Дзержинскому пасхальную мацу? Пусть не побрезгует. Она кашерная.

– Надеюсь, кровь младенцев в мацу не намешали, инородцы? – Гоготнул чекист и натянул поводья. – Ты, раввин, не обижайся. Пошутил я. Так и быть, давай твою мацу, передам товарищу Дзержинскому.

Жухаров принял от раввина сверток и, огрев коня кнутом, исчез за поворотом.

Рыба еврейской национальности

Теперь, почему Нисим не смог голосовать за КАКУ.

Начнем с истории пятилетней давности.

Приближался Песах. Накануне праздника Нисим выловил в речке Горемычке огромную породистую щуку и зафаршировал ее к пасхальному столу. Нисим был убежден, что настоящую еврейскую гефилте фиш можно приготовить исключительно из щуки.

В те времена в речке Горемычке щук было вдоволь. Руками загребай. Это потом, назло евреям, черносотенная банда местных «ихтиологов» истребила щук как чуждый православным рыбий класс, оставив в речке только пескарей и костистых карпов. Именно к такому выводу впоследствии пришел Нисим.

А тогда, как и сейчас, Нисим, отмечал пасхальный Седер.

Стол уставил яствами во главе с графинчиком кашерной водки. Дождался темноты и, как только зажглась на небе первая звезда, приступил к чтению пасхальной Агады.

Седер, как всегда, отмечал в полном одиночестве. Много лет назад он схоронил жену Ахаву. Завести детей молодая пара не успела. Жениться вновь Нисим не захотел. С тех пор жил холостяком.

Завел традицию: как только прочитает Агаду, подходил к окну, выглядывал одиноких путников и приглашал к пасхальному столу.

Вот тут-то в дверь и постучали. На пороге стояла незнакомая старуха в черном балахоне, на голову, по самые глаза, нахлобучен капюшон.

– Я к тебе, Нисим, – сказала гостя. – Пустишь?

– Конечно, заходи и садись за стол! Только сними свой черный балахон. Ты ведь не хоронить меня пришла, а веселиться.

– погоди, Нисим, не суетись, – прервала его старуха. – Сейчас не время веселиться. Я и вправду хоронить тебя пришла.

– Ты кто?! – вскричал Нисим.

– А ты еще не понял? Я смерть твоя с косой.

– Но я не звал тебя!

– А это мне решать, за кем придти.

– Ну что ж, – сказал Нисим, – Перед смертью выпить не грешно.

Оприходовал рюмашку, крякнул, закусил фаршмаком.
Налил старухе:

– Выпей за компанию...

Старуха оттолкнула рюмку:

– На работе я не пью.

– Тогда вместо тебя я выпью.

Пока он допивал вторую рюмку, старуха подняла косу и замахнулась на Нисима. Но тот был начеку и резко опрокинул стол. Со стола слетела щука и шмякнулась на пол с такой невероятной силой, что у нее отлетела голова. Зашевелились жабры и вспучились глаза. Из брюха вылез фарш.

Вслед за щукой в обнимку с фаршмаком стремительно полетела вниз старуха. Нисим выхватил у нее косу. Распластавшись по соседству с рыбой, старуха обхватила сапоги Нисима, и жалобно взмолилась:

– Не губи! – И поползла к двери.

– Забери косу, старая тетеря! И чтобы больше я никогда тебя не видел. Когда нужно будет, сам вызову тебя. – И с силой пнул ее в костлявый зад.

Старуха кое-как переползла через порог и сгинула в ночи...

...Спустя два года Смерть снова объявилась.

Разгневанный Нисим рванулся к печке, взял кочергу, согнул ее в петлю, надел железный ошейник на шею обезумевшей старухи и туго затянул узлом. Старуха захрипела, выпучив глаза как фаршированная щука. Нисим выволок ее на

улицу и поволок к реке. Горемычное с ума сошло. Такого на селе отродясь никто еще не видывал, чтобы старуху Смерть, как ослицу, тащили на ошейнике. Жители со страху захлопывали ставни, детишек заталкивали в хаты, скотину загоняли в хлев. Собаки, поджав хвосты, метались по местечку и визгливо заливались лаем. Православный люд яростно крестился, евреи воздымали руки к небесам, мусульмане валились на колени и бились головой о землю, моля Аллаха о спасении. И даже большевик Козлов, от греха подальше, схоронился в подполе.

Костлявая, вконец выбившись из сил, рухнула в придорожную канаву. Нисим взвалил ее на плечи и потащил к высокому обрыву над рекой. Отыскал тяжелый камень, привязал к старухе и столкнул её с обрыва. Но старуха благополучно приводнилась. Напоследок крикнула Нисиму:

– Накось, выкуси! – И поплыла на супротивный берег.

Теперь вернемся к эпизоду, с которого начали рассказ. Накануне вечером, в пасхальный Седер, настырная старуха в третий раз пришла к Нисиму.

– Ты?! – взревел Нисим. – Да когда ж ты сдохнешь, наконец?!

– Сегодня сдохнешь ты, – ответила старуха. – Видано ли, чтобы Смерть трижды к клиенту приходила?! Тоже мне Иван Царевич! Но уж сегодня ты от меня не улизнешь! Аид, владыка царства мертвых, приказал живьем тебя к нему доставить. Хочет лично на тебя взглянуть, какой ты из себя герой.

А уж потом на глазах Аида я тебя прикончу. Живо собирайся, путь неблизкий!

Нисим был жаден до острых приключений. Когда еще живьем он побывает в Царстве мертвых и лично познакомится с Аидом? А там будь что будет... Двум смертям не бывать, а одной не миновать...

– А знаешь, старая, – сказал Нисим, – пожалуй, я готов отправиться к Аиду.

– А куды ж ты денешься? Для храбрости выпей на дорожку. У Аида выпить не придется. Он на дух не переносит алкогольные напитки.

Нисим последовал совету. Направились к реке.

На берегу сушилась лодка.

– Твоя? – спросила Смерть.

– Моя.

Старуха фыркнула:

– Корыто, а не лодка. Того гляди, перевернемся.

– Перевернемся, выплывешь. Ты живучая. Других лишашь жизни, а самой-то жить охота.

– У меня профессия такая.

Старуха вынула из балахона крест и перекрестилась. «Господи, прости меня»...

Нисим сел за весла, старуха уселась впереди. Чтобы путь показывать.

– Ну что, поплыли? – Спросил Нисим.

– С богом! – Ответила старуха. – Только не балуй, гляди!

На воде баловать опасно.

– Будешь ты меня учить!

– А ты поогрызайся у меня!

Плыли долго. Примерно часа через четыре старуха приказала:

– Видишь речку справа? Сворачивай в нее!

– Что еще за речка?

– Мухоморка.

– Впервые слышу о такой.

Старуха возмутилась:

– Стыдно, коль не знаешь родного региона!

– Я в этих краях сроду не бывал. У меня и в Горемычном дел по горло.

– По горло, говоришь? Ну-ну... – Оskabлилась Старуха, поплевала на лезвие косы и подолом балахона тщательно ее протерла. На лезвии заплясали лунные блики.

Царство мертвых не место для живых

Плыли молча. Каждый думал о своем. Мухоморка петляла меж полей и перелесков.

Нисим вконец выбился из сил, с трудом ворочал веслами.

– Тоже мне, мужик... Веслами работать – это тебе не щуку фаршем набивать. Давай местами поменяемся. Ты не гляди на мой преклонный возраст. Я с веслами справляюсь шибче твоего.

Проплывали мимо какого-то селения.

– Видал, как тут живут?! В грядках бабы с тяпками, зад-

ницами кверху, а мужики зады свои на лавках греют. Горилку хлещут и сигарками дымят.

– Знакомое тебе село? – Спросил Нисим.

– Кобылово-то? Глаза б мои его не видели! Уж сколько я тут мужиков перекосила, не сосчитать...

– Мужиков косила, а баб не трогала?

– Которые блюли себя, не трогала. Только мужиков.

– Это почему же?

– Потому как мужики здесь – блядуны сплошные. Перещупали всех баб в селе. За одним, Хомой, весь год охотилась, а застукать не могла. Хитрый оказался лис. Ночью к нему в хату проберусь (днем Аид работать запретил) – спит себе, котяра, хоть бы хны, с женой в обнимку. Тогда я в тайне от Аида днем в село прокралась. Застукала! За огородами в овраге. Гляжу, он, боров, девку месит, точно тесто дрожжевое. Ну, тут я его и прихватила. Да так, что он с девахи не успел сползти. Охнуть не успел.

Нисим, на что не робкого десятка, и тот поежился.

На пригорке обозначилось новое село. Старуха сообщила:

– Село Удавка. На двадцать три двора кобелей всего-то было пятеро. Трех я прибрала, двоих дюжих жеребцов оставила. Для приплоду. Без них какая жизнь для баб? Им размножаться надобно...

– А я гляжу, не такая ты и дура. Разбираешься в селекции.

– А вот скажи мне: Бог велел всем размножаться, а про любовь ни слова не сказал. Почему, как думаешь? – затеяла

дискуссию старуха.

– Одно дело любить, другое дело размножаться, – рассудил Нисим. – Одной любовью приплода не получишь. В этом деле секс необходим.

– А ты, гляжу, тоже не дурак, – подвела черту старуха.

Поплыли дальше.

– А ну причаль! – приказала старуха.

– Зачем?

– Говорю, причаль. Здесь я распоряжаюсь.

Нисим причалил к берегу.

– Заночуем здесь, в Кашеевом лесу.

Нашли поляну для ночной стоянки.

Нисим расположился под кустом крапивы, Старуха – поодаль, под сухой корягой. Предупредила:

– Вздумаешь бежать, без башки оставлю. Коса моя, как бритва. Прошлым летом я этой косою комара яиц лишила. Теперь евнухом летает, – хихикнула старуха. – Ладно, спи, давай...

Но Нисиму не спалось. Он смотрел на звезды и о чем-то размышлял.

Позвал старуху.

– Не спишь? Вот ты скажи мне, старая карга, на кой тебе живых людей мертвецами делать? Давно ты этим промышляешь?

Старуха помолчала, а потом ответила. (Нисим был первым из ее клиентов, кто спросил об этом. И это ей польсти-

ло).

– Давно. Когда на графьев Потоцких – Вацлава и Войцеха – батрачила. А было мне тогда шестнадцать. Не девка, а наливное яблочко. Зигрфид, сын старшего Потоцкого, пялил на меня глаза, точно бык на тёлку, проходу не давал. Особенно в покосную пору. Любил смотреть, как ловко я косою управляюсь. Сначала налюбуется, а потом затащит в стог, завалит на спину и давай насильничать. А вволю надругавшись, штаны свои с лампасами натянет и улыбается, кобель: «Спасибо, ублажила, милая». И на бакенбардах кудряшки подбивает. Ну, не гад ползучий! Вот тогда-то мой терпёж и лопнул. Уж не помню, как решилась: замахнулась косой, и головы, как не было. Снесла, вместе с бакенбардами. Корчится, визжит, как резаный кабан.

На крик сбежались косари, и давай за мной гоняться. Откуда ни возьмись, прибежали Вацлав с Войцехом. Догнали в роще, придавили к дереву, и давай душисть. Вот тут-то коса, моя помощница, опять меня спасла. Опомнилась, а поздно. Что я, дура, сотворила?! Головы в траве валяются, друг на дружку пялятся, языки из них повылезали. А обратно их на место не приставишь. Прихватила я косу, обтерла сарафаном и бегом в соседнее село, к крёстной бабке Антонине. Она меня в коровнике запрятала.

Ночью то ли во сне привиделось, то ли наяву, пришел ко мне Аид, повелитель преисподней. Вручает мне косу из дамасской стали и униформу с капюшоном. «Собирайся, Мар-

фа. Сил и ловкости в тебе немеряно, с косою умеешь управляться. Определил тебе я Лиходеевский уезд. Регион вко-нец запущенный, в санации нуждается. Найди местечко Горемычное, обоснуйся в нем и заступай на вахту. Наводи порядок. У тебя получится. Вон как ты Потоцких порешила. Любо-дорого глядеть. Так что в нашем деле опыта тебе не занимать. А власти все равно тебя достанут, от них не спрячешься. Никакая бабка Антонина не поможет. Засудят, как серийную убивицу, и на пожизненную каторгу сошлют. В кандалы обуют. Там ты и сгниёшь».

Вот такая вот история... А что прикажешь делать? С тех пор и промышляю в Горемычном. Сегодня за тобой пришла. Подумала, засиделся в стариках, пожил достаточно, не надоело? Пора и на покой. Думала, спасибо скажешь. А ты на мое добро вон как отвечаешь...

– Пути Господни неисповедимы, – философски заключил Нисим.

Путешествие к Аиду было долгим. Старуха и Нисим менялись вахтами на веслах. Нисим Старуху люто ненавидел. И эта лютость все прибавлялась.

Наконец, береговой пейзаж резко изменился. Леса и рощи сменились уродцами-деревьями, похожими на карликов. Поля превратились в серобурые пространства. Почернела си-нева небес.

Старуха объявила:

– Приготовься, вступаем в Царство мертвых. Плыдем по Ахерону. Впереди две реки остались: Стикс и Лета.

Нисим со страхом огляделся. Встречным курсом к ним приближалась утлая лодчонка. На веслах восседал беззубый сторбленный старик. Это был Харон, перевозчик теней умерших.

Харон притормозил.

– Здравствуй, старая! Давно тебя не видел. Всё в Горемычном трудишься?

– Тружусь, будь оно неладно, это Горемычное...

– Да уж слышал. Аид за профнепригодность грозитя расчитать тебя. Какого-то Нисима третий год скрутить не можешь.

– Да вот он, в лодке. Аид надумал показательный турнир устроить. Кто кого – я Нисима или он меня.

Харон зыркнул на Нисима.

– Ишь, каков налим! Ну-ну, ни пуха, ни пера тебе, старуха.

– К черту. А сам ты как? Всё на перевозках?

– На перевозках... Работы нынче много. Вот в Брюхатино плыву, за новой партией теней.

На том и разминулись.

По обоим берегам пустоши сменились скалами. Высоченными, до самых туч. Скалы вдоль и поперек были расписаны туристами:

«Микола из Нахаловки», «Здесь были Ося с Кисой», «Настюха, я тебя люблю. Валерий»; «Привет от полтавских аль-

пинистов!»... «И почему люди не летают? Раскинула бы руки и взмыла ввысь! Катерина из города Калинова».

Но чем ближе подплывали к резиденции Аида, тем заметнее менялась тематика автографов.

«Всех нас не перебьете, ироды!», «Мы из Кронштадта!», «Галина, береги детей!», «Самое дорогое у человека – это жизнь». «Нет, весь я не умру!», и, наконец, большими буквами: «Люди, я любил вас. Будьте бдительны! С приветом, Фучик»...

Наконец, вступили в Лету. В крошечной тьме на верху скалы угадывался замок.

Старуха прошептала:

– Вот мы и у цели. Причаливай, да только тихо. Здесь не любят шума.

– Лучше подскажи, где лодку привязать? Чтобы нашел, когда стану возвращаться.

– Она тебе уже не пригодится. Ты здесь останешься, навечно. Превратишься в тень. Уж в этот раз я тебя прикончу. Клянусь богами. Я докажу Аиду, что рано списывать меня.

По крутой скале, на ощупь, полезли наверх. Старуха впереди (ей был знаком здесь каждый выступ), Нисим – за ней.

Железные ворота дворца были широко распахнуты. Здесь уже их ждали. У ворот дежурил Цербер, трехголовый пёс. Оскалился, шерсть дыбом встала, с клыков желтая слюна ручьём стекает.

– Свои! – Приструнила пса Старуха.

Цербер проворчал, но пропустил их.

Старуха и Нисим осторожно вошли в хоромы грозного Аида. В полумраке просторной залы с высоких сводов свисала паутина. Паук, размером с морскую черепаху, плёл из нее висельные петли для повешенных.

Пролетел грифон. Спикировал на плечо Старухи и, уткнувшись клювом в ухо, начал что-то ей нашептывать. Та шутливо отмахнулась: «Да ну тебя, охальник! Вспомнил, тоже... Стара я стала для таких утех»!

Под сводами Дворца заметались испуганные тени. Нисим услышал слабый шелест голоса жены Ахавы: «Это я, родной. Уходи немедленно. Здесь не место для живых»...

На высоком троне восседал Аид, повелитель Преисподней. Облаченный в такой же балахон, как и на старухе, только расшитый жемчугом. В одной руке Аид держал монарший скипетр в виде золотой косы, в другой – булаву, увенчанную черепом. У ног Аида растянулся Цербер, грызущий человеческую кость. Рядом с Повелителем расположились три Эринии – богини, исполнительницы казней приговоренных к смерти. Чуть ниже, на каменных трибунах теснились существа, чьи пёсы головы были покрыты капюшонами.

Наконец, вывели Старуху в рабочем камуфляже, следом – по пояс голого Нисима. Трибуны встретили Нисима свистом и нецензурной бранью.

– Старуха! – вопили пёсы головы, – Отсеки жиду качан, а заодно и бейцы!

– Цыц, антисемиты! – Приказал Аид. – Запомните, здесь перед нами все равны – и горбоносые евреи, и косоглазые китайцы, и шалавые блудницы, и девы непорочные, и большевики с наганами, и еретики, и попы брюхатые с крестами
...

Аид дал команду начинать корриду. Старуха исполняла роль тореадора, а роль быка играл Нисим

Прозвучал гонг.

Трибуны, естественно, болели за Старуху.

По условиям корриды ничья была исключена. Или – или. Победит старуха, останется на службе у Аида. Победит Нисим – навсегда освобождается от смерти и становится Бессмертным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.